

ТАЙНЫЙ СУД

ВАДИМ СУХАЧЕВСКИЙ

СЫН
ПАЛАЧА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Оформление *Екатерины Фerez*

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сухачевский, Вадим.

С91 Сын палача : [роман] / Вадим Сухачевский. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 288 с. — (Тайный суд).

ISBN 978-5-17-088708-8

После драматического и кровопролитного противостояния между Тайным Судом, НКВД и зловещим Орденом, произошедшего в советской Москве в тридцатые годы XX века, бывший член Тайного Суда Юрий Васильцев и его возлюбленная Катя скрываются в таежной глубинке. Однако мрачные события прошлого вновь омрачают их жизнь. Юноша Викентий, приемный сын погибшего палача Тайного Суда, жаждет возродить московское отделение секретной организации справедливости и пытается вовлечь в свои планы Катю и Юрия. Викентий, многому научившийся от своего приемного отца, холоден, расчетлив, жесток и предельно опасен. Он бросает бывшим агентам Суда все новые и новые вызовы, вынуждая их вернуться в Москву и вступить с ним в чудовищное состязание по уничтожению мерзавцев и маньяков, укрывшихся за стенами Лубянки. Однако всех троих, кроме советских спецслужб, ожидают новые серьезные враги: профессиональный наемный убийца из Лондона под кодовым именем Люцифер и вырвавшийся на свободу страшный плод секретного проекта НКВД «Невидимка» — проекта по созданию умелого и практически неуязвимого супердиверсанта...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088708-8

© В. Сухачевский, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Посвящается Ирине Горюновой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫЗОВ

ГЛАВА 1

Сов. секретно

ЕЩЕ С УТРА У КАПИТАНА государственной безопасности Огурцова было вполне хорошее настроение. Да по утрам оно у него всегда было недурственным — когда оглядывал этот большой лубянский кабинет, доставшийся ему в наследство от майора Чужака. Это не то что прошлая конура, в которой сиживал, нося еще лейтенантские погоны, с двумя другими лейтенантами, которые, может быть, просидят в той конуре до самой пенсии.

А теперь и погоны, хоть и не майорские пока, но уже капитанские, от них и до майорских недалеко, а это уже будет высший комсостав. И должность у него теперь соответствующая, та же, что была у Чужака.

Кстати, покойному майору государственной безопасности обещали присвоить звание старшего майора, а чем он, Огурцов, хуже?

Да уж лучше, поди!

Потому как майор Чужак нынче где-то червей кормит, а он, Огурцов, — вот он! Живехонький! Наблю-

дает себе, как солнышко всходит за этим большущим окном! И у начальства, кажись, пока в фаворе, вон, лично Лаврентий Павлович три раза к себе по сов. секретным делам вызывал.

И бабы его любят! А чего ж его такого и не любить? Молод, статен, в хороших чинах!

И со спиногогрызами этими у него все покамест тип-топ...

Тут, правда, капитан Огурцов на миг придержал свою радость. Смутные они, эти подземные спиногогрызы: нынче у них так, а завтра у них совсем даже эдак. Порой настолько эдак, что не приведи господь: с майором Чужаком невесть что сотворили, а тоже ведь был уж насколько верный их человек!

Ну, крысятничал, правда, сверх меры, не любят они, ох не любят они этого.

В данном смысле он, Огурцов, не такой, он свою меру всегда знает, потому со спиногогрызами ссориться ему вроде бы не с чего.

И вообще, лучше о них, о спиногогрызах, лишний раз не думать (к чему капитан себя уже и начал приучать). Ты в окошко лучше смотри, солнышку восходящему радуйся да представляй себе, как красиво ромбик майорский у тебя на петлице вскорости смотреться будет. «А кто это шагает по коридору?» — «А это, брат, сам старший майор Огурцов!» — «Ох ты!» — «Во-во! И ты уж смотри, поаккуратней с ним: большой человек, далеко пойдет!»

Хорошо!..

* * *

Настроение у капитана Огурцова испортилось только после полудня, когда секретарша Любочка принесла сов. секретную докладную записку от начальника пересыльного лагеря, что в порту Ванино. Убёг у них, понимаешь, зэк один. Мало у нас по всей нашей необъятной Родине зэков этих бёглых — обо всех, что ли, прямо сюда, на Лубянку, писать надо? Тут у людей, понимаешь, делов других нет, как только бёглых зэков ловить!

Хотел было капитан Огурцов тому ванинскому начальнику позвонить по прямому и сказать ему, на какую букву тот называется, уже даже и трубку снял, однако, еще раз мельком взглянув на ту докладную и сообразив наконец, что это за такой беглый зэк образовался, трубочку-то сразу и положил.

Фамилия этого зэка была Непомнящий, имя Викентий, парнишка семнадцати годков. Вроде невелика фигура, но в том-то и фокус, что проходил этот паренек по делу вражеского центра (уже, слава труду, разгромленного) под названием Тайный Суд, и был не больше не меньше, как сынком палача этого самого Суда, тоже Викентия, не столь давно умершего страшной смертью — кто-то приколотил его железными костылями к стене, отчего тот и сдох. А уж кто так над ним постарался, то ли наши, то ли Суд этот самый, то ли (тьфу-тьфу!) спиногрызы — иди теперь гадай.

По правде, знать этого капитан Огурцов и не хотел. А вот насчет паренька...

Занимался тем Викентием-младшим (слыхано ли?!) самолично народный комиссар Лаврентий Павлович Берия, он-то и спровадил паренька на Колыму, золотишко рыть для нашей Родины. Сразу бы к стенке — и не было бы нынешней мороки.

Но капитан Огурцов знал, что товарищ народный комиссар имеет на такие дела свой взгляд. Зачем сразу к стенке? Пусть-ка месяца три повкалывает на золотодобыче, а дольше там, на Колыме, как известно, и не живут.

Нет, конечно, капитан не таков был, чтобы осуждать действия самого наркома — и все же...

Все же к стенке — оно насколько надежнее!..

Последнюю мысль капитан Огурцов сразу засунул куда подальше как совершенно лишнюю сейчас и задумался о другом: докладывать наркому об этом побеге или ну его (не наркома, а побег, разумеется!)?

Но по здравом размышлении понял, что «ну его» в данном случае никак не проходит — слишком большое значение придавал товарищ народный комиссар Тайному Суду и очень радовался, что тот наконец-таки ликвидирован.

Двоих там замочил ихний же сотоварищ, какой-то не то кочегар, не то доцент по фамилии Васильцев, а уж судьбой Васильцева этого и его крали, английской, кажись, шпионки, лично сам Лаврентий Павло-

вич озаботился. Велел целый самолет, американский «дуглас», вместе с ними в воздухе взорвать, и поручил это дело не кому-нибудь, а самому капитану Хватову, академику, можно сказать, по такой части, так что от тех двоих небось и пыли-то не осталось.

«Дугласа», конечно, жаль, ведь за целую кучу валюты в Америке был куплен, но товарищ народный комиссар, если надо, никогда не считался с затратами, и это капитану Огурцову в Лаврентии Павловиче особенно нравилось.

Ни для вражин не скупился, ни для своих. И уже вновь словно бы поглаживал заветные майорские ромбики на своих петлицах мечтательный капитан Огурцов, но тут вдруг снова наткнулся взглядом на эту докладную, и опять совсем смутно сделалось на душе.

Ведь что оказалось? А то оказалось, что какой-то говнюк, имеющий отношение к этому странному Суду, теперь гуляет себе на волюшке! Пусть и персона не велика — но ведь нечисто, ах как нечисто вышло! И народного комиссара, хочешь не хочешь, а уведомить придется...

Любочка, машинистка, вошла, как она еще при майоре Чужаке привыкла, без стука:

— Так чё, Борис Витальич, я, как договаривались, чуток пораньше с работы уйду, а то на электричку опоздаю? Пятница у нас нынче, на дачу надо.

И тут капитан Огурцов взорвался, можно сказать, на пустом месте:

— Какой я тебе Борис Витальич! — сорвался он на постыдный петушачий визг. — Обращаться ко мне — товарищ капитан государственной безопасности!.. Распоясались, понимаешь! Я из вас эту чужаковскую вольницу!..

Вытянулась по струнке, вспомнив, что по званию она старший сержант, захлопала глазами:

— Виновата! Слушаюсь, товарищ капитан государственной безопасности!

Сразу капитану стало неловко за этот свой срыв, и он сказал уже намного мягче:

— Ладно, езжай на свою дачу. Только прежде свяжи меня с товарищем народным комиссаром.

Отчеканив: «Есть!» — Любочка строевым вышла из кабинета.

Когда Огурцов снова снимал трубку, тяжелой она казалась, как горяч-камень.

* * *

О побеге Викентия-младшего народный комиссар Лаврентий Павлович Берия, однако, уже был осведомлен. Повышать голос на капитана Огурцова он не стал — не его был стиль, — а лишь зловеще-тихо проговорил в трубку:

— Поймать чего бы то ни стоило. Головой у меня отвечаешь. — И, не дожидаясь ответного «есть!», дал отбой.

А знал он об этом побеге из отчета, куда более подробного, чем та докладная, полученная капитаном

Огурцовым. В частности, в этом отчете говорилось, что этот сучонок-палачонок не просто удрал, а перед тем голыми руками задушил волкодава, получил пулю в спину, раненый, обезоружил одного сержанта внутренней охраны (уже, к одобрению наркома, расстрелянного за разгильдяйство), выбил зубы другому (сейчас находящемуся под следствием) и лишь после этого был таков.

Да, выучка, однако, у паренька! Не то что у этих засранцев-сержантов.

Но Лаврентия Павловича задел не столько факт, что сержанты охраны там такие поносники, сколько то, что и с волкодавом этот волчонок вмиг расправился. «Небось нач. лагеря не только у охранников и у экзов, но и у собак жратву приворовывает, вот они у него и эдакие с недокорма», — заключил для себя народный комиссар.

Он взял трубку и спросил:

— Кто там, в порту Ванино, сейчас начальник пересыльного лагеря?

— Капитан Заяц!

— Заяца этого, — приказал нарком, — немедленно спецрейсом доставить сюда. — И, положив трубку, прошипел: — Заяц, понимаешь!.. Заяц!..

Побег недобитого палачонка был особенно досажден после сов. секретного донесения, которое как раз сейчас лежало у товарища Берия на столе. Составил его сам Юстас, прошло оно в зашифрованном виде через Берлин, Лондон, Женеву, с заездом в Бухарест

и Белград, пока не очутилось на столе у Алекса, а уж оттуда, из ГРУ¹, верные люди передали его народному комиссару.

Это был отрывок из протокола беседы двух британских лордов, проходившей на поле для гольфа неподалеку от Берлина. («А Юстас им, что ли, мячики подавал?» — зло подумал нарком, прежде чем перечитать донесение.)

Сов. секретно

Юстас — Алексу.....

(Пер. с английского)

...Лорд Лэмсбери. Похоже, Московскому отделению Тайного Суда положен конец.

Лорд Макдональд. Да, после гибели г-на Васильцева и г-жи Изолской-Сазерленд — похоже на то. Как они, кстати, погибли?

Л.Л. Да как... Взорвались в самолете. И ведь, судя по всему, действительно заурядный несчастный случай.

При всем своем раздражении, нарком не смог сдержать довольной улыбки: «А вы учитесь, учитесь, господа лорды, — глядишь, и у вас дело получится будет, а не только болтовня за игрой в гольф».

¹ ГРУ — Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны СССР. Лично Л.П. Берия не подчинялось.

Однако ясно: Англия снова что-то замутила. Она всегда против нас что-нибудь мутит...

Ладно, дальше... Ну, несколько страниц малоинтересной говорильни...

Ага! Вот!

Л.М. ...Правда, остался еще один, кто мог бы по праву рождения...

Л.Л. Вы про сына Викентия? Но дитя ведь еще совсем!

(«Ага, дитя! Такое дитя, что лагерных волкодавов на части зубами рвет!.. Ну, что там еще?..»)

Л.М. Во всяком случае, никого другого у нас там сейчас нет. И если мы хотим как-то возродить отделение...

Л.Л. Да, помощь оказать, видимо, придется. Но сперва хорошо бы проверить этого человека в деле.

Л.М. Может, Люцифера в Россию послать?

Л.Л. Что ж, почему нет... А если он что-то неладное обнаружит?

Л.М. Он знает, что делать. Пусть все подчистит...

(Окончание беседы из-за проявившейся бдительности охраны прослушать не удалось. Кажется, говорилось о конкретной помощи, которую они намерены оказать упомянутому объекту. — *Юстас.*)